Минский студент: «В автозаке нас били и грозили увезти в лес и пристрелить»

Митинг в Минске, 23 августа 2020

Беларусь или Белая Русь. Так называли со средневековья земли западнее Великого княжества Московского, возможно, из-за цвета белых льняных одежд, которые носили местные жители. Во время Второй мировой в Беларуси погиб каждый четвертый, в том числе более 800 000 тысяч евреев (включая 90 000 депортированных из разных стран Европы).

До последнего времени эта страна оставалась белым пятном — путешественников отпугивало получение дорогущей краткосрочной визы, обязательное оформление в отделении милиции с предоставлением всяческих документов, принудительные платежи и т. д.

Но у немногочисленных туристов оставалось приятное впечатление от страны. Люди в Беларуси — приветливые и душевные, еда — вкусная и дешевая, квас и пиво — превосходные, преступности практически нет, улицы удивительно чистые, обслуживание — на высоком уровне, билет на поезд из

пункта А в пункт Б (250 км.) стоит как три чашки кофе в Европе. А, кроме того, над полями действительно летают белые аисты (символ республики)! Короче, есть где разгуляться на благодатной, гостеприимной земле, которой с 1994 года бессменно правит Александр Лукашенко.

В позапрошлом году я приехала в Минск с подругой — пастором евангелической церкви — перед открытием мемориала на территории бывшего концлагеря Малый Тростенец, где было уничтожено 250 000 человек. Наш замечательный гид, Маша, показывала город:

Троицкое предместье — жемчужина архитектуры, все отреставрировано и блестит чистотой, музеи, широкие бульвары, уютные кафе и даже мемориальная доска на старой гостинице, где жил и творил король польского танго, еврей Ежи Петерсбурский! Я не отпускала камеру и фотографировала без конца.

На проспекте Независимости мое внимание привлекло впечатляющее здание с коринфскими колоннами, когда Маша испуганно опустила мою руку с аппаратом. «Ни в коем случае не фотографируй. Идем быстро, не останавливаемся и смотрим в другую сторону. Это здание КГБ». Я увидела в ее глазах страх и растерянность.

Здание КГБ на проспекте Независимости

Страх — это молчание. Долгие годы люди боялись говорить о происходящем в стране. Ведь

за красивыми фасадами вычищенных улиц прячется никем не контролируемый беспредел.

Победивший на выборах 1994 года Лукашенко два года спустя распустил Верховный Совет и принялся одного за другим убирать оппозиционных политиков: Виктора Гончара, Анатолия Степановича, Юрия Захаренко и т.д. Уничтожением оппозиции и наведением «порядка» в стране вместе с милицией планомерно занимался ОМОН, деятельность которого не контролируется никем и ничем. Результат — беспредел. Не будешь же жаловаться палачу, чтобы он с тобой лучше обращался — только посмеется!

Не удивительно, что преподавателя английского языка и литературы

Светлану Тихановскую диктатор не воспринял всерьез. Так же, как и примкнувших к ней женщин из оппозиционных штабов: музыканта Марию Колесникову и ИТ-менеджера Веронику Цепкало.

Мирные протесты начались по всей стране. Никто не бьет витрины, не сжигает машины. Ответом на это стали аресты на улицах, причем не только демонстрантов, но и случайных прохожих, пытки, изнасилования, издевательства и жестокие избиения в тюрьмах. Участники демонстраций показывают свои изувеченные тела, сплошь покрытые кровоподтеками. Задержаны более семи тысяч человек, 70 пропали без вести, социальные сети полны свидетельств о беспределе садистов, диагноз которым должен поставить психиатр, а суд определить меру наказания.

Протесты 16 августа 2020 года

Но «молчание ягнят» — больше не удел белорусов. Те, кто поднял голос, надеются, что их услышат. Это и мои собеседники из Минска, имена которых

по понятным причинам изменены.

Марина (55 лет), мать двух сыновей — Саши (23 года) и Дениса (21 год). Семья живет в Минске на окраине города в типичном многоквартирном доме.

Марина рассказывает о том, что пришлось пережить в связи с арестом ребят.

Денис живет с Мариной. Посещает курсы компьютерного дизайна, увлекается спортом и историей. Активный член одной из еврейских общин, где работает с детьми — организация летнего отдыха, кружки по интересам и т.п.

Марина: Денис любил покупать сувениры в магазине национальной символики Symbal.by, который попал в немилость к властям из-за сувениров вроде футболок с цветами бело-красного флага — символа свободной Беларуси. Злополучные футболки были изъяты из продажи, после чего магазин стали донимать проверками, Мингорисполком потребовал убрать вывеску, а из *министерства по чрезвычайным ситуациям пришли разбираться* по анонимной жалобе, мол, из помещения распространяются запахи, свидетельствующие о хранении взрывоопасных веществ. Владелец магазина Павел Белоус понял, чем это грозит и 23 июня объявил, что через неделю Symbal.by прекращает работу. Поэтому вечером 23-го люди выстроились в очередь у магазина, расположенного по проспекту Машерова, 18. В этот день Денис не вернулся домой.

Вход в магазин Symbal.by

Денис:

Когда я стоял в очереди в магазин, подъехал автозак с силовиками, в который ОМОН затолкнул всех, стоявших за сувенирами. В автозаке задержанных били по ногам и рукам и нецензурно оскорбляли. Потом привезли в РОВД и свалили всех в одном помещении. В туалет пускали не сразу, воду не давали, люди спали на полу.

Марина:

23 июня я смотрела в YouTube новости «Радио Свобода» и увидела заснятый инцидент около магазина, где узнала сына среди задержанных.

Официальная версия гласила: у выезда из двора разгорелся конфликт, якобы покупатели мешали проезду машины. Возникла потасовка. Один из

участников конфликта вызвал милицию.

Марина не спала всю ночь и глотала успокоительные; друзья прозванивали все отделения милиции, чтобы узнать, где находится Денис. Бесполезно.

Денис:

24 июня состоялся суд. Меня обвинили в участии в митинге и выкрикивании антиправительственных лозунгов. Свидетели обвинения выступали по скайпу. Среди них я узнал одного из тех, кто меня задерживал. Один из обвиняемых потребовал адвоката, чем вызвал резкое недовольство судьи.

Мне выписали штраф (около 50 долларов). Никаких документов о задержании и протокола суда арестованные не получили.

В тот же день Денис вернулся, семья облегченно вздохнула. Обошлось!

Оказалось, что это было лишь предисловие.

Белорусский автозак

14 июля Денис вышел на прогулку.

Он почти не пользуется общественным транспортом и любит гулять по городу. Иногда проходит в день 10-15 км — это для него своеобразный спорт. Около 19.00 он позвонил Марине и сказал, что погода отличная, он гуляет по проспекту Независимости и вернется домой попозже. В 20.00 перезвонил еще раз, в голосе слышалась тревога: проспект выглядит подозрительно, очень мало машин, значит, где-то перекрыли движение. Прохожих почти нет, возможно, готовится облава. Он увидел, что около Цирка стоят люди с детьми. «Я бегу туда, чтобы не вызвать подозрений, сяду в метро и вернусь домой». Марина ответила, чтобы он убирался как можно скорее с улицы.

Потом связь пропала. Денис не вернулся. Марина звонила в разные отделения милиции и опять провела бессонную ночь. Сына она увидела на следующее утро в новостях Tut.by: двое омоновцев в черном вели под руки юношу в яркой футболке, длинные темные волосы, модные очки. Это Денис. Всю ночь его телефон был отключен, на следующий день он позвонил и сообщил: «Я живой, не волнуйся. Нам сказали, что отпустят с условием, что мы не будем ни на кого жаловаться, и я подпишу протокол. Я подписал. Опять штраф. Будет суд».

Открытый суд состоялся **18 июля.** Друзья пришли поддержать Дениса.

Судья зачитала обвинение: «Подсудимый на улице выкрикивал антиправительственные лозунги, в том числе «Стоп, таракан!» (прозвище Лукашенко в неправительственных блогах).

Денис предусмотрительно не стал повторять это выражение, заявив, что он этого не говорил и в забастовке участия не принимал. Дело было отправлено на доработку, поскольку обвиняемый также заметил, что время, указанное «свидетелями», не совпадает с протоколом, согласно которому его задержали на час позже.

После суда, если все закончится благополучно, парень хочет покинуть Беларусь.

Один из протестующих

Саша. Живет отдельно, работает дизайнером, как и брат, активно участвует в жизни еврейской общины.

8 августа накануне выборов Саша решил встретиться с другом в «Макдональдсе» около станции метро «Октябрьская». Они заказали гамбургер и колу, встретили других приятелей, участвовавших в мирной демонстрации. Выборы должны были состояться на следующий день.

Выйдя из «Макдональдса» Саша с другом были остановлены людьми в штатском (так называемыми «тихарями» — омоновцами без формы), которые затащили их в стоящий неподалеку автозак.

Слух о задержании быстро распространился. Марина и друзья Саши

регулярно обзванивали все отделения милиции, но никто не давал информации. Тогда самые настойчивые из друзей стали дежурить на улице Окрестина, где находится КПЗ, куда обычно привозят задержанных из разных отделений милиции, и около городских судов Минска в надежде увидеть доставленных заключенных. В одной из машин на Окрестина друзья через лобовое стекло увидели Сашу и тут же сообщили Марине. Она сразу выехала на место, где собрались сотни родственников, чтобы выяснить судьбу задержанных. Из КПЗ были слышны крики избиваемых людей. Люди стояли в очереди у входа в тюрьму, никто никаких справок не давал.

9 августа, в день выборов был отключен Интернет, работало только государственное телевидение и радио, сообщившие об официальной победе Лукашенко. Путин поздравил его с победой, к нему присоединились лидеры Турции, Китая и Узбекистана. **10 августа** Интернет еще не работал. Марина день и ночь висела на телефоне…

Когда **11 августа** заработал Интернет, независимые информационные каналы открыто заговорили о фальсификации выборов и многочисленных репрессиях. Светлану Тихановскую вынудили покинуть страну. Организации по защите прав человека публиковали на своих сайтах списки задержанных.

У изолятора на Окрестина. Фото: TUT.BY

Саша нигде не числился. Марина медленно сходила с ума и молилась. Это была самая страшная неделя в ее жизни. Она регулярно смотрела всевозможные новости, в надежде услышать весточку о сыне, как это было с Денисом.

В социальных сетях выступали свидетели пыток, побоев, издевательств, изнасилований. Кому-то проломили череп дубинкой, кому-то засунули дубинку в задний проход. Пытали электрошоком. Следы побоев показывали открыто — люди перестали бояться. Опубликовали списки и фотографии пропавших без вести. Люди сами вызывали машины скорой помощи для пострадавших на демонстрациях. Некоторые такие машины обманом захватывали силовики, поскольку амбулансы пропускала толпа. Они хватали всех, кто не смог убежать и уезжали с включенными сиренами.

Для протестующих жители оставляли записки с кодами подъездов домов, давая возможность спрятаться во время облав. В подъездах прячут еду и питье для беглецов и демонстрантов. Некоторые такие записки с кодами попадали в руки ОМОНа, после чего в подъездах устраивали облавы.

12 августа раздался звонок. Сокамерник Саши сообщил, что тот находится в тюрьме города Жодино.

По словам сокамерника, Саше удалось сорвать этикетку с бутылки с водой. В вентиляторном люке они нашли иголку, оставленную предшественниками. Этой иголкой он выцарапал телефон Марины на этикетке и ее имя в ФБ. Сокамерника освободили, потому он начал кричать «Отпустите, 72 часа прошло!» (По закону, заключенных после трех суток должны освободить или предоставить обвинение). Освобождение такого рода произошло только один раз, больше никто на крики «трое суток!» не реагировал.

Жодинская тюрьма №8. фото Алеся Лапицкого, spring96.org

Марина поехала в Жодино, где с родственниками других арестованных ночевала прямо в поле перед тюрьмой. В одних волонтерских палатках была еда и питье, в других врачи принимали изуродованных освобожденных и оказывали им первую помощь. В палатках с одеждой была отдельная сумка со шнурками и ремнями — у заключенных отбирали эти вещи, чтобы они не повесились. Психологи тут же на месте обучали волонтеров, как оказывать первую помощь выходящим из тюрьмы — ни в коем случае не прикасаться, так как потерпевший может быть ранен и это чревато шоком. Одна мать, увидевшая выходящего из тюрьмы сына, у которого была сломана рука и торчала кость, упала в обморок.

Тяжело изувеченных, кто уже не мог ходить, машины с включенными сиренами увозили в реанимацию. Добровольцы развозили освобожденных по

больницам или домам.

Люди со смартфонами стояли около выхода из тюрьмы и показывали освобожденным фотографии пропавших близких — не встречались ли?

Среди волонтеров Марина узнала и нескольких членов еврейской общины. Они вместе с другими самоотверженными людьми добровольно дежурили день и ночь. Волонтеры менялись каждые 8 часов, спали на раскладушках в соседнем лесочке под елками. Приезжала Сашина девушка Лена и помогала волонтерам.

Этот нескончаемый ужас закончился в ночь с 14 на 15 августа, когда Сашу выпустили из тюрьмы в Жодино.

Саша: В автозаке после задержания били по ногам и рукам, оскорбляли отборным матом и грозили, что увезут в лес, где пристрелят. Никто не найдет трупы, поэтому надо слушаться и все подписать. Телефоны отобрали сразу. У некоторых спрашивали код для разблокировки. Если кто-то отказывался сообщать, били. Охранники заходили на FB-страницу и смотрели, в каких социальных группах зарегистрирован владелец телефона. Если он числился в группах против Лукашенко, его тоже били. Били резиновыми дубинками, на некоторых были надеты презервативы, чтобы дубинки не запачкались кровью.

Задержанных привезли в изолятор временного содержания на улице Окрестина, где они провели ночь с 8-го на 9 августа на вонючих матрацах без еды и питья. В помещении была одна дырка в полу, выполнявшая функцию открытого туалета для всех.

Освобождение задержанных из изолятора в Жодино. Фото: Станислав Журавлевич, TUT.BY

Протокол обвинения был заранее приготовлен на нескольких листах. Текст прочитать не дали. Саша все подписал.

9 августа их перевезли в тюрьму Жодино. В Сашиной камере было 9 человек на 4 места. Заключенные бросили жребий и спали по очереди: одна группа — на полу, другая — на койках, следующую ночь менялись. Через день у Саши поднялась температура, и его перевели в изолятор с подозрением на COVID-19. В этой палате было еще несколько человек с таким же подозрением. Как потом выяснилось, некоторые заключенные намеренно пожаловались на потерю аппетита и изменение вкуса и запахов, чтобы их изолировали. Надзиратели боялись этой заразы и больных не трогали.

В изоляторе Саша рассказывал сокамерникам о том, как люди выживали во время Холокоста. Он играл с товарищами по несчастью в психологические игры, которым научился во время работы с детьми в общине, медитировал и пытался абстрагироваться от реальности.

11 августа состоялся суд, который длился около десяти минут и проходил в соседней камере. Судья в черной мантии, как и положено, быстро прочитала обвинение: антиправительственная пропаганда, приставание к прохожим и хулиганство. Никаких свидетелей и адвокатов. Заключения суда Саша не получил до сих пор.

Потом сокамерников начали уводить по одному в неизвестном направлении. Никто из них не возвращался и никто из надзирателей не говорил, что с ними стало. Саша остался в камере один, внутренне приготовился к самому худшему и молился. Его выпустили последним.

Когда ночью с **14 на 15 августа** его вывели из камеры и выпустили в поле, он подумал, что это конец. Потом в темноте увидел огни у палаток, людей и машины. Кто-то подхватил его под руки и спросил, есть ли раны, надо ли перевязывать. Кто-то подходил и показывал фотографии пропавших родственников...

«Стоп, Лукашенко»

18 августа Александр Лукашенко подписал указ о награждении 300 силовиков «за безупречную службу». В списке перечислены особенно отличившиеся сотрудники МВД Беларуси.

«Я беспокоюсь о Саше, — говорит Марина. — Он почти не выходит из дома, почти ни с кем не общается и отвергает помощь. Хочет уехать из страны, как и брат. Я нашла психотерапевта через одну из организаций по правам человека. Будет лечить бесплатно. Психологи, психотерапевты, юристы и врачи тоже работают с потерпевшими бесплатно. Как и волонтеры, дежурившие около тюрьмы в Жодино. Это невероятно, что совершили эти люди и что бы мы делали без них! Никто не знает, что будет дальше и когда кончится этот ужас. Я должна начать работать, у нас нет сбережений. Но

людей увольняют за политические убеждения. Люди полны страха».

Вечерами Марина выходит погулять около дома с собакой. На улице стоят и проезжают омоновские автозаки без огней. «Как черные тени. Выходишь на улицу, как на войну!», — говорит она.

Белла Либерман, специально для «Хадашот»